

Жеребин А.И.

О СЕРГЕЕ СЕРГЕЕВИЧЕ АВЕРИНЦЕВЕ
(**К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ СИМВОЛИЗМА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ**)©

*Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург, zerebin@mail.ru*

Аннотация. Статья содержит воспоминания автора об одной встрече с С.С. Аверинцевым и в связи с впечатлением от этой встречи – опыт осмыслиения методологической установки Аверинцева на жизненно-творческую задачу филологии. Автор подчеркивает, что романтическая традиция немецкой герменевтики была воспринята Аверинцевым через посредство наследовавших ей мифопоэтических концепций – «символологии» Вяч. Иванова и глубинной психологии К.Г. Юнга, изучавшего символы как манифестации доисторических первоэлементов человеческой психики. Параллель между Ивановым и Юнгом, введенная в научный оборот Аверинцевым, находит подтверждение в общем для них стремлении к онтологизации образа, в их коррелирующих трактовках понятия «живой символ». Насколько глубок след мифопоэтической традиции в научных трудах Аверинцева, в его размышлениях о структуре символического образа, филологической науке, мировой литературе? И каково было значение его мысли для читателей и авторов, у него учившихся? В постановке этих вопросов и заключается задача предлагаемой статьи.

Ключевые слова: архетип; герменевтика; мифопоэтика; филология; символов; глубинная психология; большое время; С.С. Аверинцев; Вячеслав Иванов; К.Г. Юнг.

Получена: 04.03.2023

Принята к печати: 13.06.2023

Zherebin A.I.

About Sergei Sergeevich Averintsev
(On the tradition of symbolism in his work)©

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, Saint-Petersburg, zerebin@mail.ru*

Abstract. The article contains the author's memories of a meeting with Sergei Averintsev and the experience of comprehending Averintsev's methodological attitude to the life-creating task of philology in the wake of this meeting. The author emphasizes that the romantic tradition of German hermeneutics was perceived by Averintsev through the mythopoetic concepts that inherited this tradition, namely: the "symbolology" by Vyacheslav Ivanov and the depth psychology by Carl Gustav Jung, who studied symbols as manifestations of prehistoric primary elements of the human psyche. The parallel between Vyacheslav Ivanov and Carl Jung, introduced into scientific use by Sergei Averintsev, finds confirmation in their common desire to ontologize the image, in their correlative interpretations of the concept of "living symbol". How deep is the trace of the mythopoetic tradition in the scientific works of Averintsev, in his reflections on the structure of the symbolic image, philological science, world literature? And what was the significance of his thought for readers and authors who learned from him? The main task of this article is to raise these questions.

Keywords: archetype; hermeneutics; mythopoetics; philology; symbol; depth psychology; big time; Sergei Averintsev; Vyacheslav Ivanov; Carl Jung.

Received: 04.03.2023

Accepted: 13.06.2023

В середине девяностых годов мне довелось присутствовать на одной из лекций, читавшихся С.С. Аверинцевым в Австрии, в Венском университете, где он возглавлял тогда Институт славянской филологии. Аудитория была небольшая, в основном студенты. Там не было таких аншлагов, как раньше на лекциях Аверинцева в России, не было у него и такой громкой славы. Причины этой недооценки могли бы стать предметом отдельной работы. Если сформулировать коротко, я бы сказал, что Аверинцев был слишком широк, был больше той социальной роли, которую ему отводили в Австрии.

С.Г. Бочаров вспоминает, как Аверинцев жаловался ему, что одна венская студентка, составляя рейтинг профессоров, написала о нем, что он, во-первых, не понимает значения феминистского

движения и, во-вторых, часто говорит непонятно [Бочаров, 2012, с. 271]. Между тем мало кто так точно и ярко, как Аверинцев, писал о феномене женской эмансипации в кругу немецких романтиков [Аверинцев, 2001а, с. 45–46], а затем о том, что он называл «феминистской компонентой» русского символизма [Аверинцев, 2001а, с. 79]. И мало кто был так, как он, внимателен к социальной и коммуникативной функции литературных текстов как диалогической формы знания и текстов филологических – как способа понять другого человека. Но все это до большинства его слушателей, видимо, не доходило, возможно, потому что, например, гендерная проблематика для него восходила к языческим Афинам, а для его слушателей ассоциировалась с трансгендерной певицей Кончитой Вурст и другими явлениями современной массовой культуры. Кроме того, немецкий язык Аверинцева был то слишком архаичен, то слишком изыскан. А когда ему казалось, что та или иная цитата, тот или иной пассаж точнее и выразительнее звучит на русском, он и переходил на русский, не учитывая того, что его слушатели, хотя и изучали русский язык, но знали его еще очень приблизительно. И я нервничал, глядя на скучающие лица студентов.

Мне повезло. Лекция, на которую я случайно попал, была посвящена Вяч. Иванову. Это был поэт, оказавший на Аверинцева, говоря его собственными словами, «конститутивное влияние» [Аверинцев, 2001б, с. 318], не меньшее, чем на Лосева, у которого Аверинцев учился, или на Бахтина, с которым его многое связывало.

Высказывалось мнение, что в русской да и общеевропейской культуре 1970–1980-х годов Аверинцев занимал или, во всяком случае, мог бы занять то место, которое занимал в свое время Вяч. Иванов – как поэт, переводчик, религиозный писатель и исследователь литературы [Махлин, 2009, с. 544]. Думается, что это так и есть, и несколько работ Аверинцева, от предисловия к томику Вяч. Иванова в Малой серии библиотеки поэта (1976) до книжки 2001 г. «Скворешниц вольных граждан», это мнение подтверждают. В книге 2001 г. есть примечательный пассаж: «Не попусти Господь исследователю вообразить себя духовидцем; не может быть ничего конфузнее. Но будет очень неплохо, если мы, умствуя в меру наших сил, не перестанем чувствовать на себе его взгляд, такой общительный и такой непроницаемый» [Аверинцев, 2001а, с. 23]. Писать о поэте под его взглядом – это, конечно, гер-

меневтика, то, что Ф. Шлейермахер, основатель неогерменевтиki, называл «дивинацией». Принцип дивинации предполагал, что знание совершается не извне, а изнутри изучаемого предмета, что анализ творчества поэта невозможен без обращения к тайне его личности и становится фактором, формирующим самосознание личности познающего¹.

Сквозь всю эстетику и методологию Аверинцева проходит красной нитью принцип «реалистического» или «мифопоэтического» символизма, восходящий к немецкому романтизму, а в России XX в. теоретически кодифицированный Вяч. Ивановым. Наряду с уже упомянутыми работами Аверинцева об этом – с не меньшей определенностью – свидетельствуют упоминания об Иванове на страницах его книг и статей, посвященных другим авторам. Примером может служить статья 1970 г. «Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии». На фоне немецкого материала, Томаса Манна и Германа Гессе, появляется там и тема Иванова: «Юнговскому коллективному бессознательному с его архетипическим содержанием довелось, благодаря Иванову, быть описанным русскими стихами: “Нисходят в душу лики чуждых сил / И говорят послушными устами”» [Аверинцев, 1972b, с. 133]. Тема юнгианства Иванова была затронута Аверинцевым и в его венской лекции. Позднее я попробовал развернуть ее в статье под названием «Второй транс. К истории русского юнгианства» – в основном, на примере трех поздних этюдов Иванова «Русская идея», «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» и «Анима» [Жеребин, 2017]. Мне хотелось выяснить, насколько область ивановских *realiora* соотносима с областью коллективно-бессознательных архетипов Юнга, а процесс символизации эмпирического опыта – с процессом индивидуации личности как трансцендирующего синтеза сознательного и бессознательного. Действительно ли юнгианский прорыв индивида к архетипу «самости» предполагает, по существу, то же самое, что у Иванова названо «подвигом восхождения», «когда дух подымается из граней личного в сферу того личного, которое лежит уже вне тесного “я”»

---

¹ Аналитическое описание романтической герменевтики содержится в предисловии А.Л. Вольского к его переводу работы Шлейермахера «Герменевтика»; см.: Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2004. – С. 5–40.

[Иванов, 1909, с. 27]. Можно думать, что ивановская и одновременно юнговская концепция «живого символа» целиком перешла и к Аверинцеву с его пониманием творческой рецепции художественного образа как нравственного самосозидания. В словарной статье «Символ» Аверинцев иллюстрировал это положение стихотворением Райнера Марии Рильке «Архаический торс Аполлона», где обломок древней статуи как бы внушает созерцателю: «Ты должен изменить свою жизнь» [Аверинцев, 2001б, с. 158].

После лекции Аверинцев, заметив, видимо, что я русский и понимаю его лучше других, пригласил меня зайти в его кабинет, где была еще его жена Наталья Петровна. Она спросила, кто я. Рассказывая о себе, я упомянул, что после университета работал несколько лет на кафедре иностранных языков Ленинградского сельскохозяйственного института, которой заведовал Яков Николаевич Любарский, известный византирист, и это он посоветовал мне прочитать «Поэтику ранневизантийской литературы». Читая, я впервые задумался о методе Аверинцева. Дело в том, что Любарский с ним полемизировал, и Аверинцев ему отвечал (например, в статьях «Византийская риторика» и «Проблема индивидуального стиля в античной и византийской риторической теории» [Аверинцев, 1996, с. 224–227; 259–260]).

Полемика носила методологический характер. Когда Любарский писал о византийской литературе [Любарский, 1978], перед ним был завершенный объект, подлежащий изучению по прогрессивным линиям его развития, тем линиям, по которым литература постепенно расширяла и совершенствовала свои художественные возможности, переходя от риторической традиции ко все большей свободе индивидуального творчества. Любарский знал историю Византии по дням, и его интересовало, чем один день отличается от другого – в рамках изучаемой им эпохи.

Для Аверинцева же византийское прошлое – это не только то, что было до нас, но и то, что продолжает жить в нас. Оно не может завершиться в истории, потому что, являясь одним из этапов исторического развития, восходит вместе с тем и к вечным метафизическим основам духовного бытия, к его первоначалам, и, как все особенное, должно рассматриваться в смысловой перспективе сверхисторического целого, которое в исторической реальности манифестируется, находит в ней свое воплощение.

Влияние Вяч. Иванова не вызывает сомнений. Для Иванова представление о единстве божественной жизни было задано человеческой психике и культуре в форме мифологических первообразов сущего. Содержание мифа, прежде всего христианского, воспринималась им не как вымысел, а как смысл, обладающий высшим онтологическим статусом в сравнении с любой эмпирической реальностью, со всем, что происходит в пространстве и времени. Миф заключал в себе то, что реальнее реального, тогда как позднейшие литературные образы исторической действительности, изменчивой, преходящей и хаотически многообразной, обладали ценностью лишь постольку, поскольку они символичны, то есть «прозрачны», поскольку мифологическая картина мира сквозь них просвечивала.

Так думал Вяч. Иванов, но так же думал, как мне представляется, и Аверинцев. Вот почему противоречия феноменальной действительности и эволюция способов ее отображения в литературе – то, на чем делает акцент Любарский, – играют у Аверинцева роль второстепенную, а на главное место выходит тема синтеза исторического и вечного, метафизического всеединства и многообразия его конкретных проявлений в мире истории. Одна из глав «Поэтики ранневизантийской литературы» так и называется: «Порядок космоса и порядок истории» [Аверинцев, 1977, с. 84–108]. И это, и другие названия глав в книге о византийской литературе (например, «Человек и слово» или «Мир как школа») могли бы подойти и к анализу любой другой эпохи истории литературы.

В силу этого подхода контраст прошлого и настоящего в поэтике Аверинцева до известной степени размывается, отдельные этапы литературного развития от прошлого к настоящему как бы уравниваются. Они уравниваются в свете основных духовных принципов, направляющих жизнь человечества и жизнь литературы от древности до наших дней. Так поэтика, ориентированная на миф, включается у Аверинцева в область герменевтики, которая с самого начала претендовала на статус интердисциплинарной мета-теории понимания – понимания текстов и через тексты, через диалог по поводу текстов – понимания человека и его места в мироздании. Широта герменевтического пространства представляется Аверинцеву неотъемлемым признаком филологии. «Служба понимания», «инонаучная форма знания», «вопрошание о человеческой

сущности» [Аверинцев, 2001b, с. 157] – все это еще филология, второй полюс ее структуры, без которого первый полюс – «скромнейшая служба “при” тексте» [Аверинцев, 1972а, стлб. 973] – лишается смысла. Любарскому же подобная «универсальность, пределы которой невозможно установить заранее» [Аверинцев, 1972а, стлб. 974], казалась весьма сомнительной. Любарский представлял позицию объективного исторического знания, Аверинцев – интерсубъективного понимания в «большом времени культуры» (Бахтин).

Но обо всем этом я, конечно, в кабинете Сергея Сергеевича не распространялся. Не об этом мне хотелось его расспросить. Мое пребывание в Австрии было связано с работой над книгой о венском модерне. Одна из глав, посвященная Мартину Буберу, должна была называться «Мартин Бубер и религия богочеловечества». Отвечая на мои вопросы, Аверинцев напомнил о связи Бубера с немецким религиозным символизмом, о взаимной симпатии Бубера и Вяч. Иванова, а затем перешел к теме ивановского инославия и экуменизма, к принятию им католичества без отречения от православия. Чувствовалось, что эта тема для него очень личная. Но и она связывает Аверинцева с символизмом Серебряного века от Соловьева через Иванова до Франка. У С.Л. Франка было такое определение: Церковь есть «не институт, который удерживает верующих авторитетом и духовным принуждением, а первозданное, живое, внутренне духовное единство всех верующих, так сказать, божественная кровь, которая циркулирует во всех них и через них» [Франк, 1996, с. 180]. Позднее ту же метафору – общая кровеносная система – обновил С.Г. Бочаров, применив ее к мировой литературе [Бочаров, 2012, с. 10]. Статья Бочарова, человека и ученого к Аверинцеву близкого, называется «О кровеносной системе и генетической памяти литературы». Действительно, между вселенской церковью и мировой литературой напрашивается аналогия. Национальные литературы легко представить себе как общины верующих или конфессиональные сообщества. И в этом случае мы видим множество частей, из которых каждая обладает своим неповторимым индивидуальным своеобразием, но должна мыслиться как один из органов единого организма, утверждающего себя в многообразии своих конкретных проявлений. Соотношение единства и множества здесь такое же, как в известной шутке Лотмана про теленка и бифштексы [Лотман, 1992, с. 13].

Встреча с Аверинцевым, единственная и непродолжительная, была для меня важной во многих отношениях. Я стал более внимательным читателем его книг. Важнее всего были, пожалуй, две сходные между собой мысли, имеющие отношение к поэтике мировой литературы. Одна – о Бахтине: «И вот русский мыслитель Бахтин строит чрезвычайно русскую философию смеха – на размышлениях о Рабле и других явлениях западноевропейской традиции» [Аверинцев, 1993, с. 343]. И далее в той же статье читаем: «Покойный Л.Е. Пинский не без остроумия отметил в свое время, что идея личности, вроде бы западная, показана у Бахтина на творчестве русского писателя Достоевского, а идея соборности, вроде бы русская – на творчестве западного писателя Рабле. Мысль Бахтина влеклась к выведению некоторой вполне русской проблемы возможно дальше за пределы русского контекста» [Аверинцев, 1993, с. 344]. Параллель к этому находим у Аверинцева в его предисловии к первому посмертному тому трудов А.В. Михайлова: «Немецкая культура – писал Аверинцев – один из предметов, говоря о которых, русский прямо-таки неизбежно выговаривает нечто о самом себе как русском, о России» [Аверинцев, 1997, с. 7]. Это относится не только к Михайлову, но и к самому Аверинцеву, автору целого ряда работ о немецких поэтах и переводчику их произведений. Когда читаешь, например, его статью о Георге Тракле (с подзаголовком «“Poet maudit” на австрийский манер») [Аверинцев, 1999], невольно вспоминаешь Мандельштама, написавшего, что поэзия декадентов – это «высокий пример христианского отчаяния»: «Музыка тления была для них музыкой воскресения» [Мандельштам, 1983, с. 52].

Хотелось бы думать, что ориентация по этим мыслям чувствуется и в моих работах. Книжка, которую я начал писать тогда в Вене, называется «Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры» [Жеребин, 2011]. Эксперимент заключался в сознательной перекодировке ключевых текстов австрийского модернизма по русскому коду¹. Когда сокращенный вариант этой работы [Жеребин, 2009] был замечен в Австрии,

---

¹ О принципах указанного подхода к произведениям иностранной литературы см.: Жеребин А.И. К определению понятия «инокультурная интерпретация» // Noscere est comparare. Компаративистика в контексте исторической поэтики. К юбилею Игоря Шайтанова. – Москва : РГГУ, 2017. – С. 66–76.

а затем и переведен на немецкий [Zerebin, 2013], рецензенты были в некотором недоумении: вроде бы по фактам все правильно, а своих не узнаем¹. Меня это нисколько не огорчило, так и было задумано – с подачи тех, у кого я учился.

Список литературы

- Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2001а. – 167 с.
- Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. – Киев : Дух і Літера, 2001б. – 460 с.
- Аверинцев С.С. Георг Тракль: «Poète maudit» на австрийский манер // Вопросы литературы. – 1999. – № 5. – С. 196–212.
- Аверинцев С.С. Путь к существенному. Предисловие // Михайлов А.В. Языки культуры : учебное пособие по культурологии. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – С. 7–10.
- Аверинцев С.С. Риторика и истоки литературной традиции. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
- Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе : сб. в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского / сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. – Москва : РГГУ, 1993. – С. 341–345.
- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Москва : Наука, 1977. – 320 с.
- Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1972–1978. – Т. 7. – 1972а. – Стлб. 973–979.
- Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике : сб. статей. – Москва : Искусство, 1972б. – Вып. 3 / сост. В.И. Тасалов. – С. 110–155.
- Бочаров С.Г. Аверинцев в нашей истории // Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. – Москва : РГГУ, 2012. – С. 269–275.
- Вольский А.Л. Фридрих Шлейермакер и его герменевтическая теория // Шлейермакер Ф. Герменевтика / пер. А.Л. Вольского. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2004. – С. 5–40.
- Жеребин А.И. Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. – 536 с.
- Жеребин А.И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 160 с.
- Жеребин А.И. Второй транс. К истории русского юнгианства // Вопросы философии, 2017. – № 10. – С. 148–160.

---

¹ Наиболее показательна в этом отношении подробная рецензия венского слависта Стефана Симонека, откликнувшегося на русское издание еще до появления немецкого перевода [Simonek, 2010].

- Иванов В.И. Символика эстетических начал // Иванов В.И. По звездам. Статьи и афоризмы – Санкт-Петербург : Оры, 1909. – С. 21–32.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 11–24.
- Мандельштам О. Проза. – Michigan : Ardis publ., 1983. – 179 р.
- Махлин В.Л. Возраст речи. Подступы к явлению С.С. Аверинцева // Махлин В.Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. – Москва : Знак, 2009. – С. 503–545.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 736 с.
- Simonek St. Aleksej Žerebin, Absolutnaja Real'nost'. "Molodaja Vena" i russkaja literatura [Review] // Wiener Slavistisches Jahrbuch. – 2010. – Bd. 56. – S. 284–294. – Rev. of: Жеребин А.И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 160 с.
- Žerebin A. Die Wiener Moderne und die russische Literatur. – Wien : Praesens-Verl., 2013. – 184 S.

References

- Averintsev, S.S. (2001). "Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin..." Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdu mirami. Saint Petersburg: Aleteya.
- Averintsev, S.S. (2001b). *Sofiya-Logos. Slovar'*. Kiev: Dukh i Litera.
- Averintsev, S.S. (1999). Georg Trakl': "Poet maudit" na avstrijskij maner. *Voprosy literatury*, (5), 196–212.
- Averintsev, S.S. (1997). Put' k sushchestvennomu. *Predislovie*. In A.V. Mihajlov, *Yazyki kul'tury: Uchebnoe posobie po kul'turologii* (pp. 7–10). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.
- Averintsev, S.S. (1996). *Ritorika i istoki literaturnoj traditsii*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury"
- Averintsev, S.S. (1993). Bahtin i russkoe otnoshenie k smekhu. In S.Yu. Neklyudov & E.S. Novik (Eds.), *Ot mifa k literature. Sbornik v chest' semidesyatletiya Eleazara Moiseevicha Meletinskogo* (pp. 341–345). Moscow: RGGU.
- Averintsev, S.S. (1977). *Poetika rannevazantiskoj literatury*. Moscow: Nauka.
- Averintsev, S.S. (1972a). Filologiya. In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* (Vol. 7, col. 973–979). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Averintsev, S.S. (1972b). "Analiticheskaya psihologiya" K.-G. Yunga i zakonomernosti tvorcheskoy fantazii. In V. Tasalov (Ed.), *O sovremennoj burzhauznoj estetike: sbornik statej* (Issue 3, pp. 110–155). Moscow: Iskusstvo.
- Bocharov, S.G. (2012). Averintsev v nashej istorii. In S.G. Bocharov, *Geneticheskaya pamyat' literatury* (pp. 269 – 275). Moscow: RGGU.
- Vol'skij, A.L. (2004). Fridrik Shlejermaher [Schleiermacher] i ego germenevicheskaya teoriya. In F. Schleiermacher, *Hermeneutica* (pp. 5–40). Saint Petersburg: Evropejskij dom.
- Zherebin, A.I. (2011). *Vertikal'naya liniya. Venskij modern v smyslovom prostranstve russkoj kul'tury*. Saint Petersburg: N.I. Novikov.

- Zherebin, A.I. (2009). *Absolyutnaya real'nost'.* “Molodaya Vena” i russkaya literatura. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zherebin, A.I. (2017). Vtoroj trans. K istorii russkogo yungianstva. *Voprosy filosofii*, (10), 148–160.
- Ivanov, V.I. (1909). Simvolika esteticheskikh nachal. In V.I. Ivanov, *Po zvezdam. Stat'i i aforizmy* (pp. 21–32). Saint Petersburg: Ory.
- Lotman, Yu.M. (1992). O semiosfere. In Yu.M. Lotman, *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* (Vol. 1, pp. 11–24). Tallinn: Aleksandra.
- Mandel'shtam, O. (1983). *Proza.* Michigan: Ardis Publishers, 1983.
- Mahlin, V.L. (2009). Vozrast rechi. Podstupy k yavleniyu S.S. Averintseva. In V.L. Mahlin, *Vtoroe soznanie. Podstupy k gumanitarnoj epistemologii.* Moscow: Znak.
- Frank, S.L. (1996). *Russkoe mirovozzrenie.* Saint Petersburg: Nauka.
- Simonek, St. (2010). Aleksej Žerebin, Absolutnaja Real'nost'. “Molodaja Vena” i russkaja literatura. Moskva: Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2009. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 56, 284–294.
- Žerebin, A. (2013). *Die Wiener Moderne und die russische Literatur.* Wien: Praesens-Verl.